

УДК 94 (571.16) «1921/ 1923»: 323.332: 329. 15

**РАБОЧАЯ СРЕДА ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В
ОЦЕНКАХ КОММУНИСТОВ (1921–1923 гг.)**

В.Н. Гузаров

Томский политехнический университет

E-mail: ni2355guzarova@mail.ru

Гузаров Владимир Николаевич, канд. ист. наук, доцент кафедры истории и регионоведения гуманитарного факультета ТПУ.

E-mail: ni2355guzarova@mail.ru

Область научных интересов: социально-политическая история России начала XX века.

Характеризуются основные параметры рабочей среды сибирской губернии: связь с крестьянским хозяйством, низкий уровень общей и политической культуры. Проводится анализ мероприятий правящей партии по руководству трудовыми коллективами в период острого экономического кризиса. Показано, что неумение руководить экономикой коммунисты пытались компенсировать репрессивными мерами. Отказ

коммунистов от объективной оценки рабочей среды способствовал отрыву партии от класса и углублению кризиса.

Ключевые слова:

Голод, забастовка, увольнение, чистки трудовых коллективов, репрессии.

Ленинская партия изначально позиционировала себя выразительницей и защитницей интересов рабочего класса. Свою власть коммунисты определяли как диктатуру пролетариата. Состояние рабочего класса являлось объектом первостепенного внимания парткомов различного уровня от ЦК РКП(б) до райкомов. Коммунистическая историография фальсифицировала отношение партии к «своему» классу. Историкам еще предстоит восстановить объективную картину того времени на материалах отдельных регионов.

В исследуемый период Томская губерния оставалась преимущественно крестьянской. Крупные промышленные предприятия концентрировались в Кузбассе. В октябре 1922 года в Анжеро-Судженском районе на обоих рудниках насчитывалось 7,5 тыс. чел., а на Кемеровском руднике и химзаводе – 2 тыс. В июне 1922 г. на Гурьевском заводе трудилось 1100 чел. В Томске на 1 июля 1922 г. было 27 предприятий с общим числом занятых 1191 чел. По данным Н.М. Дмитриенко, к 1 марта 1922 г. в Томской губернии действовало 24 предприятия, на которых трудилось 1 520 рабочих [1]. В пределах губернии железнодорожников насчитывалось более 17 тыс. чел., а речников – 3,6 тыс. Советскую власть в губернии восстановили в 1920 г. Антисоветские крестьянские восстания стали серьезным испытанием для коммунистов. 8 марта 1921 г. пленум губернского комитета РКП(б) обсуждал телеграмму Сибирского бюро ЦК РКП(б) по предотвращению возможного восстания в крае. В этих условиях Сибирское бюро ЦК РКП(б) и Сибревком рассматривали рабочие районы как надежную опору советской власти. 15 марта 1921 г. президиум губернского комитета РКП(б) обсудил вопрос о состоянии партийной работы в Анжеро-Судженске. Для района выделили несколько квалифицированных руководителей. Губернские секретари считали шахтеров преданными новой власти, но недостаточно развитыми для выдвижения руководителей из своей среды. Поэтому предпочтение отдавалось так называемым переброскам в Кузбасс опытных кадров из Томска, или вообще из других губернских организаций. Товарищи, откомандированные в Кузбасс, не стремились там задержаться. Так было на протяжении всего изучаемого периода.

29 апреля 1921 г. Сиббюро ЦК РКП(б) подвергло критике Томский губернский комитет РКП(б), допустивший на очередной конференции отдельные выступления в духе противопоставления «верхов» «низам». Подобное грехопадение томских товарищей партийный центр Сибири объяснял влиянием мещанской среды, преодолеть которое следовало путем увеличения доли рабочих в составе партийной организации [2]. Итак, уже в первые годы советской власти обнаружилась неустойчивость рабочего класса перед так называемой мещанской идеологией. Задачу политической опеки над незрелыми трудящимися брали на себя партийные комитеты РКП(б).

Весенние забастовки 1921 г. в Томске были неожиданными и неприятными для коммунистов. Свое недовольство демонстрировали не отдельные правдоискатели, а сотни рабочих губернского центра. 7 мая 1921 г. президиум губкома заслушал доклад М. Сумецкого «О забастовочной волне на фабриках и заводах города Томска». Докладчик не осуждал рабочих, а подчеркивал, что только отсутствие продовольствия и неправильное его распределение спровоцировали забастовки [3]. Обсуждения доклада не было. Новая проблема требовала серьезного осмысления. Думающие коммунисты понимали, что забастовки будут продолжаться, а их подавление окончательно разведет по разные стороны баррикад рабочих и партийных функционеров. В мае 1921 г. на пленуме губкома П. Верхотуров прямо заявил об антисоветских настроениях рабочих в связи с недостатком продовольствия. В выступлениях участников пленума появилось новое объяснение причин забастовок – пропагандистская деятельность социал-демократов и эсеров [4]. Получилось, что пропаганда мелких подпольных групп оказалась сильнее голода. Окончательную ликвидацию всех оппозиционных партий коммунисты считали задачей более важной, чем преодоление разрухи.

В июле 1921 г. Кузбасс посетил председатель Сибревкома И. Смирнов с целью лично ознакомиться с положением дел и предупредить забастовки. Он также отметил подстрекательскую деятельность эсеров и анархистов. Вопреки фактам, глава Сибревкома оценил настроение трудоармейцев как хорошее [5]. Сиббюро и Сибревком требовали от Томского губкома регулярной помощи коммунистам Кузбасса. 23 августа 1921 г. на заседании президиума губкома в очередной раз обсуждали многочисленные проблемы угольных копей. Состав рабочих был неоднородным. В Кузбассе размещалась 71 тыс. трудоармейцев. Их мотивация к труду оставалась невысокой, несмотря на наличие штрафной роты. Секретари губкома опасались, что трудоармейцы могут разбежаться при недостатке продуктов питания. Несознательность рабочих-солдат губернские функционеры объясняли слабостью культурной работы. К армии приставили учителей, но их оказалось мало. Более того, учителя сами стремились поскорее покинуть Кузбасс. Губернские функционеры предлагали Сиббюро провести новую мобилизацию ста учителей на весь зимний период для обучения и воспитания военизированных рабочих [6]. Вопросов эффективности деятельности трудовой армии и тем более необходимости ее расформирования губернские руководители не ставили. Рядом с трудовой армией в Кузбассе работали осужденные крестьяне, участники антисоветских восстаний и неплательщики продовольственных разверсток. Их интерес к шахтерскому труду побуждался лишь мерами насилия. Третью категорию рабочей силы составляли вольнонаемные шахтеры, многие из которых сохраняли связь с крестьянским хозяйством. На шахтах велись в основном только подготовительные работы к добыче угля.

Продовольствия постоянно не хватало. В губернском центре обстановка была не лучше. 6 сентября 1921 г. председатель губернского исполкома Н.П. Теплов признал: «В городе тоже на почве отсутствия продовольствия положение неважное» [7]. Половина невыходов на работу объяснялась отсутствием хлеба. Секретарь губкома РКП(б) В.А. Строганов заявил: «Массы были настроены по отношению к нам враждебно» [8]. Тем не менее, В. Теплов убеждал губернский актив, что забастовочное движение в городе удалось почти ликвидировать путем усиленной агитации.

В феврале 1922 г. пленум губкома РКП(б) обсуждал работу профсоюзов и, естественно, забастовок. Секретарь губкома Василий Андреевич Строганов попытался подойти к проблеме теоретически. «Пока существуют классы, – говорил он, – стачки возможны, но наша задача не допустить этого» [9]. Если стачка возникает на государственном предприятии, то ею надо руководить и идти в ногу с массой, считал В.А. Строганов. Таким образом, пришло осознание неизбежности забастовок на период существования классов. К сожалению, Василий Андреевич не попытался определить свою классовую принадлежность и тот рубеж, до которого он мог идти в ногу с рабочими. Участники пленума пришли к более консервативному выводу: стачки принципиально допустимы, но нужно все сделать, чтобы их не было. Это частный вывод из общего правила советской системы: по закону можно, а фактически нельзя.

Проблемы забастовок, уровня зарплаты, материального снабжения и многие другие обсуждались в закрытом режиме, без участия рядовых коммунистов. Недовольные ролью безгласных статистов, рабочие выходили из РКП(б). При этом настоящие причины разрыва с пра-

вающей партией не назывались. В Анжеро-Судженской организации говорили о невыдаче обещанного сена, о неуплате за отработанный воскресник и т. п. Чистили не только партийные организации, но и трудовые коллективы. С февраля 1922 г. на Анжеро-Судженских копиях паёк стали выдавать только работающим. Эта мера ударила по маргиналам. Однако и положение семейных шахтеров резко ухудшилось.

В 1922 г. особо острой стала проблема вещевого довольствия. Шахтеры и металлурги нуждались в специальной одежде и обуви, которой катастрофически не хватало. В марте 1922 г. шахтеры Кольчугино (Кузбасс) возмутились повышением цен на вещевое довольствие. Большинство рабочих отказалось его получать. Недовольство вызвал также приказ администрации о четком распределении всех занятых по сменам. Партийные секретари разъясняли коммунистам и беспартийным необходимость данной меры. На руднике по-прежнему располагалось 300 трудоармейцев. Районные власти уже не надеялись на их коммунистическое перевоспитание и просили вышестоящие инстанции либо вернуть ребят в армию, либо демобилизовать. Попытки отдельных социалистов-революционеров вести антисоветскую пропаганду в Кольчугино быстро пресекались. Эсеров увольняли по сокращению штатов [10]. Далее оппозиционерами занималось ГПУ.

В апреле 1922 г. заведующий агитотделом губкома А. Марцинковский отметил, что губернскому комитету удалось «сравнительно безболезненно» ликвидировать забастовочные настроения среди кожевников, советских служащих и управленцев Томской железной дороги. Однако это была заслуга не столько губкома РКП(б), сколько спецслужб. 1 марта 1922 г. Москва утвердила смертный приговор железнодорожного трибунала инженеру Я. Родюкову, технику А. Семенову, студенту-юристу В. Скрылеву [11]. 11 августа 1921 г. железнодорожники предъявили свои требования администрации и пригрозили забастовкой в случае их невыполнения. Следствие приписало им подготовку восстания против советской власти «под видом достижения удовлетворения экономических требований» [12].

Сотрудники ГПУ тщательно собирали информацию о состоянии трудовых коллективов и партийных организаций. Отчеты чекистов были более подробными и объективными чем у секретарей парткомов. Так, в апреле 1922 г. уполномоченный ГПУ по Анжеро-Судженскому району сообщал, что общие собрания коммунистов собираются редко, присутствующих мало, секретари пассивны, даже не предупреждают коммунистов о назначенных мероприятиях [13]. Экономический кризис перерастал в политический. Томская губерния не была исключением. Сводка беспристрастно сообщала: «Влияние ячеек на заводах и предприятиях весьма мало; лучшие, способные товарищи давно уже оторвались от станков и работают в различных советских учреждениях или Красной Армии, а оставшиеся – мало политически активны» [14]. В феврале 1922 г. Тайгинский райком РКП(б) отмечал: «Комячейки г. Тайги состоят почти из всех товарищей, занимающих, ответственные работы и очень незначительное количество работает в гуще мессы» [15].

По-прежнему сохранялись задержки в выплате зарплаты, замена денег продуктами. Например, в Бочатах (Кузбасс), в мае 1922 г., производился расчет за февраль. За май людям выдали авансом по 13,5 кг муки. За вторую половину августа 1922 г. в Кольчугино (Кузбасс) выдали рабочим по 9 кг гречихи с просом или овса с пшеницей. В июле 1922 г. голод охватил некоторые районы губернии. В Томске голода не было, но зарплату вовремя не давали. Часть заработка поглощала инфляция. Железнодорожникам, например, выдавали жалование 100 миллионными купюрами. За их размен приходилось платить по 10-15 %. Сводка ГПУ по Сибири за июль 1922 г. сообщала, что ни одно предприятие в регионе не могло аккуратно платить жалования, снабжать спецодеждой. Выплату зарплаты производили фабрикатами. Рабочие пытались продавать свою продукцию, но цены рынка падали и люди теряли часть зарплаты.

В июне 1922 г. рабочие Шестаковского рудника (Кузбасс) просили в счёт июньского пайка мяса для покоса. Однако им отказали. Впоследствии 14 пудов мяса испортились на складе и его закопали. Рудоуправление не рассчиталось по своей задолженности с рабочими с октября 1921 г. На Анжерских копиях в июле 1922 г. выдавали только муку. Голод 1921 г. и последующие задержки зарплаты увеличили число огородников. По оценке секретаря Кольчугинского райкома РКП(б), только десятая часть рабочих жила на зарплату, а остальные обзавелись коровами. Летом 1922 г. на Кемеровском руднике и Химзаводе невыходы на смену достигали

75 %, а в октябре сократились до 30...35 %. В Анжеро-Судженском районе не хватало около 2,5 тыс. рабочих. Тем не менее, от услуг трудоармейцев стали отказываться. В июне 1922 г. с Прокопьевского рудника отправили 400 чел. и готовили вывезти еще 800. В южной группе рудников оставалось 379 трудоармейцев [16].

В 1922 г. острой проблемой оставалась безработица. На партийных собраниях часто говорили об увольнениях коммунистов и приеме бывших белогвардейцев. Как правило, это были явные преувеличения. Тем не менее, проблема была. В июне 1922 г. на пленуме губкома А. Никитин четко заявил: «Наша партия государственная и нечего стесняться, а надо открыто говорить, чтобы коммунистов не увольняли» [17]. Его товарищ А. Потапов также предлагал не сокращать коммунистов, «но это должно делаться дипломатично, не бросая это в глаза беспартийным» [18]. В конце октября 1922 г. артель Киселевского рудника в течение трех суток не выходила на работу, добиваясь уменьшения нормы выработки, увеличения зарплаты и регулярной ее выдачи. Ранее коллектив механического цеха сутки не выходил на работу. К концу ноября администрация выплатила задолженность.

Негативная энергия рабочих выплескивалась в ненависть к специалистам. 12 декабря 1922 г. в Анжер-Судженске артель горнорабочих, в количестве 70 чел., недовольная назначением артельщика явилась в профком с требованием разъяснить: кто стоит у власти? Райком с трудом уладил конфликт. В подобных случаях рабочие часто цитировали высказывания специалистов в свой адрес, явно сгущая краски. 10 декабря 1922 г. на Ленинских коях (Кольчугино) на общем собрании шахтеров, обсуждавшем роль и значение специалистов при НЭПе, не была принята резолюция, подготовленная районными руководителями. Шахтеры явно не хотели одобрять деятельность «спецов», но не рискнули открыто осудить ее. На собрании слышались возгласы недовольных труженников, что всю власть в республике отдали «спецам». Подобное поведение рабочих легко объяснить их низкой культурой. Однако следует учитывать и плоды предыдущей коммунистической пропаганды, прямой лести мозолистым рукам. Рабочие с большим трудом расставались с прежними иллюзиями и занимали свое подлинное статусное место в обществе. Следует также учитывать, что партийные, советские и профсоюзные комитеты выступали обычно в роли благодетелей, оставляя специалистам проведение непопулярных мер.

Неприязненное отношение рабочих к специалистам сохранялось и в 1923 г. 18 июля 1923 г. Томский губком разослал циркулярное письмо уездным комитетам. В нем сообщалось: «Партия весьма бережно относится к сохранению «добрых отношений» со специалистами, конечно в видах государственной пользы. Вам, вероятно, известна секретная директива Сиббюро не придирайтесь к ним из-за формального нарушения Кодекса о труде; делаем, всякие уступки лишь бы работали» [19]. 16 августа 1923 г. на собрании ячейки коммунисты обувной фабрики № 2 города Томска требовали убрать управляющего фабрикой и всех его помощников. Конструктивная критика подменялась личными обидами. Досталось и управляющему кожаным трестом за развод с женой. Коммунисты считали себя хозяевами предприятия.

Негативное отношение к специалистам партийные функционеры стали называть «спецдетством». Борьба против этого явления превратилась в массовую кампанию. Сиббюро ЦК РКП(б) упрекало томичей в недостаточной активности. В январе 1923 г. Томский губком отклонил несправедливый упрек и отчитался о проделанной работе. Томичи подошли к вопросу теоретически. Отрицательное отношение к специалистам они определили как «пережиток массового психологического и исторического сознания» [20]. Враждебное отношение к старым буржуазным специалистам функционеры губкома не смогли или побоялись связать с призывами лидеров большевизма. В свое оправдание томичи назвали пять фамилий выявленных «неукротимых спецедедов» и сообщили об отправке их в порядке переброски за пределы губернии.

Экономическое положение губернии оставалось по-прежнему тяжелым. 2 января 1923 г. рабочие Анжеро-Судженска не получили денег и забастовали. На следующий день подвезли муку и люди приступили к работе. Причины забастовки сотрудники ГПУ видели исключительно в подстрекательской работе эсеров. 5 января 1923 г. партийные и советские руководители Ленинского района Кузбасса приняли решение о немедленном отпуске рабочим авансом 750 пудов мяса. В результате забастовку удалось предотвратить. В январе 1923 г. не получили зарплату транспортники. Сиббюро ЦК РКП(б) рекомендовало губернскому комитету проводить

разъяснительную работу среди железнодорожников и водников. 18 января 1923 г. Сиббюро ЦК разбирало конфликт в Анжеро-Судженске, возникший в конце 1922 г. Признавалось, что причинами конфликта стала несвоевременная выплата зарплаты и выдача продовольствия. Сиббюро ЦК санкционировало выселение с Анжеро-Судженских копей всего нетрудового элемента, перерегистрацию профсоюзов и чистку партийной организации [21].

В конфликтах того времени была повинна не только администрация. Организованные действия рабочих быстро уступали место неорганизованным скандалам. Например, в начале сентября 1923 г. рабочие горного цеха в Кемерово добивались выдачи вещевого фонда, который задерживали уже 5 месяцев. Рабочие обращались в профсоюзный комитет с требованием созвать собрание. Киселевский райком уговорил людей отложить собрание до приезда управляющего Кузбасским промышленным районом из Новониколаевска. В ожидании высокого начальства случилось непредвиденное. 7 октября 1923 г. при аресте пьяной компании милиционер случайно убил рабочего. Возмущенная толпа ругала милицию и коммунистов. Пошли разговоры, что начали стрелять рабочих и всех перестреляют. Люди двинулись в клуб и потребовали открытия собрания. Райком смог оттянуть начало действия только до утра следующего дня. К открытию спешно приехало начальство из Новониколаевска. Совместными усилиями управляющего трестом и местных руководителей удалось успокоить трудящихся. Собрание решило провести чистку милиции и ускорить суд над виновным милиционером. 9 октября состоялось новое собрание, вызванное принудительным распределением облигаций выигрышного займа. Администрации удалось погасить и этот конфликт. Через несколько дней из профсоюза исключили несколько бывших белых офицеров [22]. 17 октября 1923 г. Киселевский райком постановил предложить ГПУ и коммунистической фракции профсоюза «провести изоляцию с предприятия антисоветского элемента» [23]. Это вполне соответствовало директивам Москвы о ликвидации оппозиции. Циркуляр ЦК РКП(б) от 5 октября 1922 г. разъяснял, что волынки и забастовки августа-октября «имеют тесную связь с деятельностью контр-разведки и белогвардейских шпионов» [24].

Позиция губернского комитета РКП(б) была несколько мягче. В циркуляре губкома от 25 октября признавалось, что наметилась противоположность интересов рабочих и администрации. Удалось предотвратить забастовки на Анжеро-Судженских коях. Циркуляр предписывал относиться к производственным конфликтам с глубокой осторожностью и совместными действиями с профсоюзами устранять причины конфликтов [25].

Партийный центр Сибири занимал более ортодоксальную позицию в отношении предупреждения забастовок. 27 октября 1923 г. Сиббюро ЦК постановило выслать так называемые контрреволюционные элементы из губернских городов Сибири [26]. На 1 декабря 1923 г. в Томске насчитывалось 5187 безработных [27]. Летом 1923 г. кризис углубился. Увеличилась инфляция, произошло снижение индекса товарного рубля. Задержки в выдаче зарплаты увеличились. В августе зарплату выдавали также несвоевременно и крупными купюрами. В сентябре наступил кризис сбыта угля. Прокопьевский рудник был закрыт. Сентябрь был отмечен недовольством рабочих принудительным распространением облигаций выигрышного 6 % государственного займа. Причем секретарь губкома В. Калашников заранее тайно распределял номера выигрышных билетов среди партийно-советского актива. Недовольство рабочих всей губернии этой акцией Калашников объяснил традициями Кузнецкого уезда: «Здесь шибко ещё пахнет партизанщиной былых времен» [28].

В целом 1923 г. был очень трудным для рабочих. В летний период зарплата на предприятиях Томска составляла 25-30 % прожиточного минимума. Кроме того, сохранялось большое неравенство в оплате труда рабочих и начальства. Попытки секретаря второго района Томска убедить рабочих в необходимости подобной меры успеха не имели. В декабре 1923 г. секретарь Мариинского уезда признавал: «Рабочие золотодобывающей промышленности находятся в чрезвычайных, скверных условиях, безжалостно эксплуатируются, при наличии полнейшего произвола по отношению к ним со стороны администрации» [29]. Тем не менее, люди того времени мечтали о светлом будущем. Партийная пропаганда дала осязаемый образ светлой мечты – самолет. В самый разгар кризиса, летом 1923 г., когда сгорела спичечная фабрика, основное предприятие второго района г. Томска, здесь в члены друзей воздушного флота вступи-

ло до половины всех рабочих. Мужчины и женщины жертвовали последние деньги на зарождавшуюся авиацию.

В 1921–1923 гг. начался новый этап взаимоотношений партии и класса. Правящая партия как часть государственного аппарата начала подавлять забастовки. Партия раскололась на верхи и низы. Этот раскол протекал медленно и болезненно. Партийные секретари сочувствовали рабочим, и первое время не осуждали их. Затем функционеры объявили организаторами забастовок подпольные партии и бывших белогвардейцев. Уговоры рабочих Кузбасса стали сопровождаться чистками производственных коллективов и населенных пунктов. Тем самым центральные и местные партийные органы сняли с себя ответственность за некомпетентное руководство экономикой. Армия и государственный аппарат поглотили лучшие силы рабочего класса и ослабили его. Остальные с трудом выживали, работая на производстве и в огороде. Недостаточно образованные и организованные массы представляли собой удобный объект для манипуляции. В отношении рабочих коммунисты умело использовали административный ресурс: сокращение штатов, выселение и т. п. В целом коммунисты губернии отказались от объективной оценки рабочей среды, лишили ее права голоса, права на забастовку. Рабочим оставили одно право – одобрять действия партии и представителей местной администрации. Это привело к отчуждению партии от рабочих, к разложению рядов РКП(б).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX– первой половине XX века: управление, экономика, население. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 185 с.
2. Центр документации новой и новейшей истории Томской области (ЦДНИТО), Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 60.
3. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 40. Л. 8.
4. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Л. 8.
5. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 82.
6. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 60.
7. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Л. 24.
8. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Л. 24.
9. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 15.
10. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87. Л. 287.
11. Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. – Томск, 2003. – 187 с.
12. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 79.
13. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 88. Л. 334.
14. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87. Л. 489.
15. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 438. Л. 77.
16. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87. Л. 400.
17. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 22.
18. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 22.
19. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 91. Л. 167.
20. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76. Л. 11.
21. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 18.
22. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 109. Л. 59.
23. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76. Л. 197.
24. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 19.
25. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 47–49.
26. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105а. Л. 114.
27. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 5.
28. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 109. Л. 21.
29. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 109. Л. 104.

Поступила 06.02.2012 г.